

Михалина Шибаева

ФИЛОСОФСКО-ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В. Ф. ОДОЕВСКОГО КАК ОПЫТ ПОСТИЖЕНИЯ «РУССКИХ ВОПРОСОВ»

Содержательную основу статьи составляет раскрытие особенностей вклада В. Ф. Одоевского в опыт осмысления «русских вопросов». Обращается внимание на то, что эти вопросы являются, как правило, метафизическими и относятся к разряду «вечных». Специфика философско-художественной рефлексии Одоевского о месте России в пространстве мировой истории обусловлена комплексом духовно-нравственных факторов, прежде всего логикой развития русской культуры. Его опыт постижения «русских вопросов» отражен в литературных произведениях, главным образом в философском романе «Русские ночи», контекст которого интегрирует антропологический, гносеологический и историософский аспекты мировоззренческих исканий Одоевского. При раскрытии взглядов русского писателя на прошлое, настоящее и будущее России акцентируется следующая особенность: в полемике между славянофилами и западниками он занял, по сути, позицию «третьего суда». Его вопрос «Что такое мы?» является интеллектуальным ядром полилога между персонажами «Русских ночей». В размышлениях Одоевского над судьбой России заметное место занимает футурологический дискурс, который наиболее ярко предстает в незавершенной фантастической повести «4338 год». Еще одна особенность творческого наследия Одоевского заключается в рефлексии над вопросом о ментальности славянства и его перспективах как субъекта исторического процесса.

Ключевые слова: В. Ф. Одоевский, творческое наследие, «русские вопросы», философия русской литературы.

The theoretical value of the article consists in the attempt to determine the specific way the Russian writer V. F. Odoevsky tried to formulate and solve the so called “Russian problems”. It is stressed that those questions were, as a rule, metaphysical and considered “eternal”. When Odoevsky in his literary works touched upon the issue of the role of Russia in the world history he took into account a lot of spiritual and moral factors, primarily the logic of the development of Russian culture. His philosophical approach to solving the “Russian problems” can be seen in many novels and stories written by him at different times, but the most demonstrative work in this respect is the collection of philosophical essays “Russian Nights”. The context of this work integrates the anthropological, epistemological, and historiographical aspects of Odoevsky’s world outlook. When discussing the views of the Russian writer on the past, present and future of Russia, the author emphasizes that they resulted from the fact that Odoevsky preferred to be an “arbitrator” in the polemic between the Slavophiles and Westernizers. It was, of course, no accident that the question “What are we?” was in the core of the polylogue between the characters of his “Russian Nights”. Considering the fate of Russia, Odoevsky used kind of a futurological discourse, especially in the unfinished fantastic story “4338”. He was also very focused on such questions as what mentality the Slavs have or what role they should play in the world history. It is concluded that the ideas proposed by Odoevsky are of great importance nowadays.

Keywords: V. F. Odoevsky, creative heritage, “Russian questions”, philosophy of Russian literature.

Где же ныне шестая часть света, определенная провидением на великий подвиг?..
 Куда увлекло нас высокое чувство народной гордости?..
 Зачем преступление и несчастье считаются необходимою буквою в математической формуле общества?..
 Кипели тысячи вопросов, сомнений, догадок...
 Между тем время проходило, юноши становились мужами, а их вопросы... вопросы не находили ответа.

В. Ф. Одоевский

Философско-художественное наследие Владимира Одоевского, в котором ярко проявляются его романтическое мироощущение и разносторонние дарования, убеждает в том, что в смысловом пространстве отечественной культуры плодотворно проявляет себя традиция вопрошания, особенно в сферах русской мысли и литературного творчества. Традиция эта, бесспорно, не исчерпывается хрестоматийностью тех русских вопросов, которые до сих пор воспринимаются преимущественно как социальные, или, используя эпитет А. Н. Радищева, как «дерзновенные».

Впрочем, вряд ли справедливо придавать исключительно социальный статус осевшим в памяти «Кто виноват?» (А. И. Герцен), «Отчего так нелегко живется в России?» (И. С. Аксаков), «Кому на Руси жить хорошо?» (Н. А. Некрасов), «Что делать?» (Н. Г. Чернышевский) и, наконец, «Когда же придет настоящий день?» (Н. А. Добролюбов). Ведь и по сей день взыскующий характер дерзновенных по отношению к русской реальности вопросов несет в себе эмоциональный заряд нравственного максимализма.

Тем не менее, ценностно-смысловое пространство отечественной культуры включает, говоря словами М. М. Бахтина, ту «область бесконечных вопросов», которая питается традицией мировоззренческих исканий и пафосного к ним отношения. Именно такая сфера вопрошания и рефлексии над «бесконечными вопросами» питает первый в отечественной культуре философский роман «Русские ночи».

Архитектоника, смысловая емкость и тональность этого философско-художественного творения В. Ф. Одоевского несут на себе печать феномена «взыскующего сознания», жаждущего «одной безусловной истины, которая осветила бы весь путь, нами проходимый» [8]. Жажда эта обретения «истины в последней инстанции» активизировала мировоззренческие искания русских мыслителей, которые, начиная с «Философических писем» Петра Чаадаева, обрели характер культурной традиции. Устойчивость данной традиции Георгий Флоровский объяснял тем, что «с не-

преодолимой силой обращается мысль к вопросам о русском «лице», о «русской судьбе», о «русском призвании» [13, с. 257].

Полижанровый характер воплощения в текстах В. Ф. Одоевского воззрений на открытые вопросы обусловлен стремлением выразить свое отношение к ним самыми разными способами. Отсюда авторская «пестрота» в поэтике и эстетике словесного творчества: размышления над кругом «русских вопросов» своеобразно отражаются и в философско-мистических текстах, и в бытовой повести, и даже в ряде сказок, смысловая емкость которых выходит за пределы детского восприятия; отдана дань также утопическому и фантастическому направлениям художественного воплощения идей, значимых для В. Ф. Одоевского.

Смысловая емкость и полистилистика творческого наследия В. Ф. Одоевского обусловлены его причастностью к течению философского романтизма. Данное течение, как справедливо отмечал Е. А. Маймин, «характеризовалось прежде всего тенденцией к объединению философии с поэзией, стремлением к философскому содержанию и к философским формам в литературе» [4, с. 253].

Своеобразие философско-художественной рефлексии В. Ф. Одоевского над «областью бесконечных вопросов» относительно сущности и перспектив человечества в целом и славянства в частности заключается в том, что его интеллектуализм и нравственное кредо органично сопрягались с «эстетическим гуманизмом», на что обратил внимание В. В. Зеньковский. Как видно по произведениям Владимира Одоевского, они несут печать «взыскующего сознания» и «эстетического гуманизма». А многогранность опыта постижения им «тревожащих» вопросов проявляется в антропологическом, гносеологическом, историософском и художественно-эстетическом пластах творческого наследия.

Начиная с краткого, но значимого для В. Ф. Одоевского периода мировоззренческих исканий в Обществе Любомудров, его обращение к вопросам русской жизни и культуры обретает на несколько десятилетий устойчивый поисково-творческий характер. Именно потому, что за непосредственными участниками бессонных диалогов «Русских ночей» угадываются их прототипы – Любомудры, имеет смысл подчеркнуть, что именно В. Ф. Одоевский предвосхитил, на мой взгляд, тему «русских мальчиков», которая получит дальнейшее воплощение в творчестве Ф. М. Достоевского. У В. Ф. Одоевского эти мальчики – «архивные юноши», которые жаждут ответа на многие вопросы, в ряду которых и «Что такое мы?»

Смысловая многогранность этого вопроса обусловлена рядом факторов и прежде всего тематикой творчества писателя и мыслителя. Согласно И. И. Евлампиеву, «в творчестве Одоевского ясно

звучат две главные темы: выявление могущества человека и человечества в истории и необходимость радикального преобразования человечеством окружающей действительности» [3, с. 35]. Отсюда вторая смысловая грань вопроса «Что такое мы?», подводящая к проблеме субъекта культурно-исторических процессов с точки зрения потенциальности человечества и его предназначения. В контексте полилога героев «Русских ночей» вокруг этой проблемы высвечивается и ряд собственно русских вопросов.

Эта третья грань открытого и по сей день вопроса «Что такое мы?» предстает не только в «Русских ночах», но и в ценностно-смысловом пространстве всего наследия В. Ф. Одоевского. Наследие это предстает перед нами как синтез гносеологического, исторического и антропо-экзистенциального направлений постижения феномена России и ментальности отечественной культуры. Данная особенность наглядно проявляется и в незавершенной фантастической повести В. Ф. Одоевского «4338 год», в которой Россия предстает в статусе Северного полушария, из столицы которого пишет в Пекин китайский студент. Его описания как самого Петербурга, соединившегося с Москвой в 44 веке, так и научно-технических достижений русской цивилизации, а также идеального устройства Российского общества являют собой своего рода ответ В. Ф. Одоевского на страстный вопрос Н. В. Гоголя «Русь, куда несешься ты?..». Являя собой футурологический проект «русского Фауста», повесть «4338 год» была также ответом на ту полемику славянофилов и западников, в которой В. Ф. Одоевский занял особую позицию преодоления установки на полярность оценок и прогнозов относительно России и ее предназначения.

Причем пророческий дар автора этой незавершенной футурологической повести проявляется не только в моделировании научно-технического верховенства России и прославлении таланта русского народа, но и в постановке вопроса об издержках прогресса, о «диалектике приобретений и утрат» (Г. Гегель). В. Ф. Одоевский предвидел, в частности, обратную сторону осуществления проекта массового просвещения, которое «распространилось до низших степеней; оттого многие люди, которые едва годны быть простыми ремесленниками, объявляют притязания на ученость и литераторство... завели также нечто похожее на науку и литературу; но, чуждые благородных побуждений истинного ученого, они обратили и ту и другую в род ремесла» [6, с. 293]. В свете такого противоречия между достигнутым уровнем научно-технических достижений и квазиобразованием большинства «ремесленников» В. Ф. Одоевский подчеркивал особую ценность интеллектуальной элиты и поэтов.

Вера В. Ф. Одоевского в будущее России далеко неоднозначно оценивалась его современниками. «Странная моя судьба, – писал А. С. Хомякову В. Ф. Одоевский, – для вас я западный прогрессист, для Петербурга – отъявленный старовер-мистик; это меня радует, ибо служит признаком, что я именно на том узком пути, который один ведет к истине» [11, с. 344]. А между тем этот «узкий путь» привел писателя-мыслителя к идее мессианства России. В своих размышлениях о специфике России и ее историческом предназначении Владимир Одоевский использовал собственные концепты: «всеобъемлющая многосторонность русского духа», «стихия всеобщности», или, как уточнял он, «лучше сказать – всеобнимаемости». В соотношении с этими концептами писатель-мыслитель одним из первых в России сопрягает собственно русские вопросы с общечеловеческими. Свидетельство этого – вопросы, задаваемые в бессонные ночи в кабинете Фауста, в образе которого некоторые современники В. Ф. Одоевского узнавали его самого. «Что вокруг нас? Зачем мнутся народы? Зачем, как снежную пыль, разносит их вихорь?» [8, с. 10].

Пристальное внимание к такого рода вопросам проявляется и в других текстах В. Ф. Одоевского, вплоть до «Русских писем»: «Отчего мысль об общем согласии, противореча историческим враждам, всегда была любимой мыслью у людей великих?» [9, с. 239]. В свете данного вопроса понятно, почему писатель не остался в стороне от полемики вокруг многогранной и сложной проблемы славянского мира в целом и места России в нем в частности. Так, в статье «Элементы народные» он выразил собственное понимание сущности данной проблемы. «Славянский мир, пространством превосходящий Запад, – писал он, – был забыт, а в нем скрывается сила, необходимая Западу: чувство единства, которое во всей славянской истории является как постоянная формула уравнения, к которому окончательно приводятся все буквы, через какие бы изменения они ни проходили» [9, с. 239].

Эта мысль получит свое продолжение в эпилоге «Русских ночей». Сопоставляя романо-германский и славянский миры на основе философских категорий пространства и времени, Владимир Одоевский почти одновременно с А. И. Герценом вводит тот мотив обреченности Западной Европы, который потом в ином ключе разовьет Освальд Шпенглер. В русле темпорального восприятия и истолкования двух миров автор «Русских ночей» устами своего главного персонажа Фауста утверждал, что «Запад гибнет!.. Пока он собирает свои мелочные сокровища, пока предается своему отчаянию – время бежит, а у времени есть собственная жизнь, отличная от жизни народов; оно бежит, скоро обгонит старую, одряхлевшую Европу – и, может быть, покроет ее теми же слоями

недвижного пепла, которыми покрыты огромные здания народов древней Америки – народов без имени» [8, с. 147]. В то же время, В. Ф. Одоевский не только осмысляет историческую судьбу романо-германского мира, но и устами Фауста подчеркивает беспочвенность страхов Запада перед славянскими народами. «Не бойтесь, братья по человечеству! Нет разрушительных стихий в славянском Востоке – узнайте его, и вы в том уверитесь» [8, с. 182]. В реалиях значительного усложнения проблематики взаимоотношений России и зарубежья этот тезис В. Ф. Одоевского обретает актуальное звучание.

Можно допустить, что одним из импульсов футурологических прогнозов В. Ф. Одоевского относительно славянства и его места в истории могла стать мысль И. Гердера о возможности появления «новой Греции» на северо-западе Европейского континента. В «Дневнике моего путешествия в 1769 году» он писал, что именно оттуда со временем «дух распространится по всей ныне погруженной в сон Европе и заставит ее служить тому же духовному началу» [2, с. 325–326]. Интерес к России и вопросу о ее месте в мире проявил и Фридрих Шеллинг. Как вспоминает В. Ф. Одоевский, в 1842 г. во время их беседы Ф. Шеллинг сказал ему: «Чудное дело ваша Россия. Нельзя определить, на что она назначена и куда идет она, но к чему-то важному назначена» [5, с. 142]. Это высказывание глубоко почитаемого не только В. Ф. Одоевским, но и едва ли не всеми русскими мыслителями первой половины XIX в. вписывается в пространство рефлексии над вопросом об исторической миссии России.

Дух веры В. Ф. Одоевского в «свежие, могучие соки славянского Востока» [8, с. 181], которая манифестировалась в эпилоге «Русских ночей», имел немаловажное значение для многих участников Славянского съезда в Санкт-Петербурге в 1867 г. (за два года до кончины писателя). И потому вполне закономерно, что в ряду известных деятелей русской культуры, которых посетили гости из славянского зарубежья, был и В. Ф. Одоевский.

Особого внимания заслуживает и вклад В. Ф. Одоевского в развенчание мифа об опасности со стороны славянского Востока, который будто бы ставил своей целью разрушение западного мира. Аргументы В. Ф. Одоевского получили дальнейшее развитие у В. С. Соловьева, который, в частности в работе «Национальный вопрос в России», дал свое понимание исторического назначения славянства через призму причинно-следственных аспектов его разобщенности. «Когда говорят о всеславянстве, о славянском культурно-историческом типе, то не обращают достаточного внимания на то, что все славянство разделено пополам, что есть два славянских типа, две славянские культуры, – писал философ в 1884 г. –

Эти два славянства различаются не этнографическими только особенностями, а, главное, своими духовными началами: славянство западное образовалось под духовным воздействием Рима, славянство восточное – под духовным воздействием Византии. Эта двойственность и составляет сущность славянского вопроса». Решению этого вопроса В. С. Соловьев придавал конструктивный характер в том смысле, что видел в славянстве субъект примирения Запада и Востока на основе христианских ценностей. Отсюда и его тезис: «Лучше полагать призвание славянства не в том, чтобы *сменить* Европу, а в том, чтобы *исцелить* ее и *воздвигнуть* к новой, более полной жизни. Если романо-германские народы разлагаются и гибнут по мере ослабления в них положительного христианского начала, то славянство должно *усилить* это положительное христианское начало, еще сохраняющееся на Западе в католической церкви». Именно поэтому, согласно В. С. Соловьеву, «нам следует вступить в общение с положительными духовными силами Запада. Это свободное общение с ними есть единственный путь к разумению и миру» [10].

Тональность приведенных суждений В. С. Соловьева свидетельствует о том, что в своем отношении к проблеме славянства он был настроен не столько критически, сколько конструктивно. Но еще до создателя учения о всеединстве установка на преодоление славянофильской критики Запада при сопоставлении его с Россией была задана В. Ф. Одоевским. Перспективы решения задачи преодоления расхождений между Западом и Востоком он видел в синтезе науки, религии и искусства, веря в его огромную преобразовательную силу. Отсюда и полисемантическая его незавершенная повесть о состоянии мира в 44 веке и статусе России как субъекта позитивных преобразований на планете.

Чувство исторического оптимизма питалось у В. Ф. Одоевского не «квасным патриотизмом», а убежденностью в мессианском будущем России. Он верил, как писал Г. В. Флоровский, что «России на челе славянства суждено и предназначено сказать миру “таинство свободы”, слово “примирения”, братства и всеобъемлющей всечеловеческой любви» [12].

Однако не только славяно-русские, но и планетарные вопросы волновали В. Ф. Одоевского. Так, в ночных беседах Фауста и его друзей возникает следующий вопрос: «При каких условиях человечество впадает в заблуждение и какие признаки сопутствуют его соvrращению с пути истинного, естественного его пути, который есть единственное условие его благоденствия и самого бытия?» [8, с. 193]. Столь же остро звучит и вопрос, сопряженный судьбой идеала гуманизма: «...неужели в самом деле человечество совра-

тилось с истинного пути своего и быстро, своевольно стремится к своей гибели?» [8, с. 24].

Открытый характер вопросов общечеловеческой значимости проецируется и на проблематику славянского мира. Многосложность славяно-русского «поля проблем» до сих пор соотносится, на мой взгляд, с вопросами А. С. Пушкина:

Славянские ль ручьи сольются в Русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Отсюда и неизбежность вопроса «Куда ж нам плыть?..» Естественно, что пройти мимо этих вопросов «Солнца русской поэзии» В. Ф. Одоевский не мог и поэтому искал на них собственный ответ. Путь В. Ф. Одоевского к Истине, сопрягаемой с ценностями Красоты и Добра и с идеей культурного прогресса, подтверждает справедливость тезиса Б. П. Вышеславцева о том, что «существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения» [1, с. 154]. Осмысление особенностей многолетнего опыта постижения В. Ф. Одоевским метафизики русских вопросов приводит к выводу о глубокой убежденности писателя-мыслителя в том, что на пути обретения истины важны нравственные поступки, в которых «мы находим... ум – т. е. знание, согласное с религией, и поэтическую прелесть» [7, с. 198]. Эта убежденность нашла художественное воплощение в разных жанрах словесного творчества, и в каждом из них содержательно и наглядно предстают перед читателем особенности воззрений Владимира Одоевского на метафизику русских вопросов и его стремление получить на них ответ.

Таким образом, содержательные пласты и тональность его философско-творческого наследия отражают сопричастность «жизненного мира» и ценностных приоритетов В. Ф. Одоевского процессам постижения метафизических вопросов не только русской жизни, но и человечества в целом. С этой точки зрения уместно напомнить, что писал Вильгельм Кюхельбекер из своей сибирской ссылки о значении взыскующего сознания В. Ф. Одоевского: «Сколько поднимает он вопросов! Конечно, ни один почти не разрешен, но спасибо и за то, что они подняты, – и в Русской книге!».

Литература

1. *Вышеславцев Б.П.* Вечное в русской философии // Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М., 1994.
2. *Гердер И.Г.* Избранные сочинения. М.; Л., 1959.
3. *Евлампиев И.И.* Идея «сверхчеловечества» в творчестве Владимира Одоевского // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2014. Вып. 4. С. 35.

4. Маймин Е.А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975.
5. Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве. М., 1982.
6. Одоевский В.Ф. 4338 год // Одоевский В.Ф. Последний квартет Бетховена. М., 1982.
7. Одоевский В.Ф. Наука инстинкта. Ответ Рожалину (Фрагменты) // Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975.
8. Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975.
9. Одоевский Ф.М. Элементы народные // Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975.
10. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv31.htm>.
11. Труды по русской и славянской филологии. XV. Тарту, 1970.
12. Флоровский Г.В. Вселенское предание и славянская идея. URL: <https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=318>.
13. Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. М., 1998.

Shibaeva, Mikhalina M. V. F. Odoevsky's philosophical and creative heritage as an experience of comprehending the "Russian questions"

References

1. Vysheslavtsev, B.P. Vechnoye v russkoy filosofii [The eternal in Russian philosophy], in Vysheslavtsev, B.P. *Etika preobrazhennogo Erosa* [Ethics of the transformed Eros], Moscow, 1994.
2. Gerder, I.G. *Izbrannyye sochineniya* [Selected works], Moscow, Leningrad, 1959.
3. Yevlampiev, I.I. Ideya "sverkhchelovechestva" v tvorchestve Vladimira Odoyevskogo [The idea of "superhumanity" in the works of Vladimir Odoevsky], in *Vestnik SPbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University], series 17, 2014, No. 4.
4. Maymin, E.A. Vladimir Odoyevskiy i yego roman "Russkiye nochi" [Vladimir Odoevsky and his novel "Russian nights"], in Odoevsky, V.F. *Russkiye nochi* [Russian nights], Leningrad: Nauka, 1975.
5. Odoevsky, V.F. *O literature i iskusstve* [On literature and art], Moscow, 1982.
6. Odoevsky, V.F. 4338 god [The year 4338], in Odoevsky, V.F. *Posledniy kvartet Betkhovena* [The last quartet of Beethoven], Moscow, 1982.
7. Odoevsky, V.F. Nauka instinkta. Otvet Rozhalinu (Fragmenty) [The science of instinct. Response to Rozhalin (Fragments)], in Odoevsky, V.F. *Russkiye nochi* [Russian nights], Leningrad: Nauka, 1975.
8. Odoevsky, V.F. *Russkiye nochi* [Russian nights], Leningrad: Nauka, 1975.
9. Odoevsky, F.M. Elementy narodnyye [The folk elements], in Odoevsky, V.F. *Russkiye nochi* [Russian nights], Leningrad: Nauka, 1975.
10. Solovyov, V.S. *Natsional'nyy vopros v Rossii* [The national question in Russia]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv31.htm>.
11. *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii* [Works on Russian and Slavic philology], XV, Tartu, 1970.

12. Florovsky, G.V. *Vselenskoye predaniye i slavyanskaya ideya* [The ecumenical tradition and the Slavic idea]. URL: <https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=318>.
13. Florovsky, G.V. *Iz proshlogo russkoy mysli* [From the past of Russian thought], Moscow, 1998.

DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.2.15>